

Филипп
САНОЧКИН

*Осенний
аккорд*

СБОРНИК СТИХОВ

Филипп
САНОЧКИН

*Осенний
аккорд*

СБОРНИК СТИХОВ

Свердловская область
г. Нижняя Тура, 2004

Я - романтик

Да, романтик. Наверное, с первого класса. Это пожизненно. До могилы. Реалисты всегда отпугивали грубой прямолинейностью и душевной черствостью.

А в первом классе мир для меня перевернулся. Как-то старшая сестра сказала: «Давай сочинять стихи. Заголовок – «Роза». И тут же накатала строчку: «Она росла на теплом юге...». Загадочно, божественно! Помню еще строки: «За ней красавицы ходили и поливали по утрам...» Таинственно, непонятно.

И захлестнуло. Повело. На всю оставшуюся жизнь. А тогда сестра изрядно потела над ритмом, размером, рифмами и образной структурой стиха. Я же молча и безучастно лицезрел этот первый для меня урок творческих мытарств. С тех пор лесная дорога в школу стала моим поэтическим бумом – я цитировал пушкинское: «Скоро ли луга зазеленеют?...». И творческим зудом – я сочинял. Вслух. Уже дома записывал в тетрадь.

Моим кредо стало: творить для людей красоту, добро. Мое реноме: высекая из слов божью искру, не рваться к славе, известности. Об этом и мои стихи: «Не надо, не надо ни денег, ни славы...». Впрочем, насчет денег – это немного от лукавого, ибо с детства я – совковая голь перекатная. А дед, тоже Филипп, до 1917-го имел свою мельницу, пашни, много скота. Такие вот контрасты и метаморфозы...

Вообще, я пленник трех муз: поэзии, театра, живописи. Играл на сцене Мишу Бальзамина по пьесе А. Н. Островского, Смирнова (водевиль А. П. Чехова «Медведь») и др. Писал маслом картины. Когда прижимало, продавал.

Люблю цветы. Березку русскую. Перед болотной калужницей замираю, как в столбняке. Гляжу – не нагляжусь. Это цветок моего детства. Люблю добрых, порядочных людей. До обожания. До преклонения. Люблю Ис с его прекрасными жителями, с его горами и чудной природой. Он вдохновляет. Зовет творить! Это сейчас моя поэтическая колыбель, моя ладья.

Зачем пишу все это? Ведь я чаще более чем закрытый. Зажатый условностями. И никак не избавлюсь от них. Меня упростили друзья. Сказали: так нужно читателям. Так что – ах, какой я хороший! – не по мне. Себе я всегда даю строгую и трезвую оценку.

Под лучом растаял утра дым,
В дальних соснах
 сказки схоронились,
А березы – хочется же им! –
Танцевать безумный твист
 пустились.
Мне бы их извечный ритуал,
Так бы спеть
 про сельские восходы,
Чтобы стих мой
 членским взносом стал
В звучную симфонию
 природы!..

Ф. Саночкин, 2004

Исовские зарубки

Поселку Ис – 180 лет	6	Жар-птица	28
Июнь	7	Зверобой	29
На Троицком кладбище	8	«Ничего не хочу...»	29
Утренние ощущения	9	Осенняя элегия	30
Родина-мать	10	Беда	32
Трын-трава	11	Тропа	33
Приговор	12	Сказка-быль	34
Внуки	13	Чучело	35
Головастики	14	Света	36
Кто виноват?	15	Милосердие	38
Поземка	16	У пивного ларька	39
Тайна	17	Бабка Нюра	40
Печка	17	Морозы	41
Родина во мгле	18	Грустное	41
Гуси	19	Стереотипы	42
Гора Лысая	20	Скрижали	43
В лесу	21	Маскарад	44
На толкучке	22	Бахвал	44
Очищение	23	А ля Толстой	45
Душа запела	24	Поэтесса	46
Счастье	25	Я дождусь!	48
В малиннике	26	Я с тобой, Россия!	49
Земляника	27	Соловьи	50
		Мой день	52

СПАСЕНИЕ

*Посвящаю Ольге Михайловне Литт –
главе администрации п. Сигнальный,
поистине спасшей жизнь этому
моему сборнику стихов.
Автор.*

Я заглянул богатеньким в глаза –
Там жили мрак, и спесь,
и смертный холод;
Там бушевала гневная гроза,
Я ж был в песчинку дохлую размолот.

Не одолел я этот мрак и спесь...
Тут во спасенье Солнце мне явилось.
... Спасибо Вам, что Вы на свете есть,
А в Вас – Добро, Участие и Милость!

ПОСЕЛКУ ИС – 180 ЛЕТ

180 лет... Уже не мало.
И вот мы все на праздник собрались.
В глухих отрогах горного Урала
Не затерялся наш любимый Ис.

Он хоть и болен, но повыше классом
Иных поселков – крепче и бодрей.
Старательская жилка не угасла
У исовских мастеровых людей.

Трудиться с жаром, до седьмого пота,
Болесть душой за весь родной Урал –
Вот их девиз.
И спорится работа.
Растет ее итог.
Растет накал.

Богатств природных высшего замеса
На век наш хватит без лихих мытарств.
Вон стонет драга за полоской леса,
Вгрызаясь в кладовые тех богатств.

И верится:
 придет конец всем бедам,
Залог тому – 180 лет.
К своим успехам, звездам и победам
Рванется Ис, как истовый атлет.

ИЮНЬ

Бывают дни в июне –
Не жизнь,
 а сущий рай.
Пускает солнце
 слюни,
Прет радость
 через край.

И забываешь горе,
Невзгоды, злой угар.
Не надо мне ни моря,
Ни Кипра, ни Канар.

Так лучезарно небо .
Не жарко...
В самый раз!
...Нигде так счастлив
 не был,
Как на Ису у нас.

НА ТРОИЦКОМ КЛАДБИЩЕ

*Смертность людей в России
превышает их рождаемость.
Из газет.*

*Каждый дом – что темная келья.
Каждое сердце в саван одето.
Нету в России, нету веселья,
Радости нету.*

А. Рератт, 1916 год.

Над Троицким кладбищем плыли
Мерзостных туч паруса.
На Троицком кладбище были.
Жуткие голоса...

К жилью подбегают могилы...
Троицкий раньше блистал,
Сейчас он забытый и хилый –
Сам уж могилой стал.

И люди там бродят, как тени, –
По воле прохвостов.
Могила в убранстве сирени...
Россия погостов...

И горя – что бурного моря
В державе могильного бума.
Господи, сколько же мора,
Страшно подумать!

УТРЕННИЕ ОЩУЩЕНИЯ

На Ису затопили печи...
А морозы крещенские жмут!
Любо слушать мне ранние речи –
Люди добрые здесь живут.

Звуки русские вместе с рассветом
Льются в душу, как сладкий Спас,
То звенит баритон с фальцетом,
То преблагий шаляпинский бас.

Вдруг узнаю на расстоянии
Тех знакомцев по голосам:
Да ведь это же Мастроянни!
Стоп! – а это Вахтангов сам!

Любо-мило... Но хватит магии.
Радость – с горечью пополам:
Что ж вы, други герой и трагик,
Не на сцене, а – по «углам»?

РОДИНА-МАТЬ

На холм высокий, где
 заснула мгла,
 Взошла ты выжидаяще, несмело.
 Конец платка к губам
 приподнесла
 Да так вот, в горе,
 вдруг окаменела.

А сзади – тоже в камне –
 твой сынок
 Рванулся к амбразуре с автоматом.
 Гордись, родная!
 Он не одинок:
 Любой в России мнит себя
 солдатом.

Ты здесь стоишь уже
 который год.
 Грохочут бури...
 Льют дожди косые...
 Из молний смотришь ты
 в родной народ,
 Застывши
 Скорбным символом России.

ТРЫН-ТРАВА

На весенней опушечке,
Где зеленый рассвет,
Насчитала кукушечка
Девяносто пять лет.

Ах, купавы, купавушки,
Выручайте меня:
Дайте силы-затравушки,
Молодого огня.

Как же столько мне выжить-то,
Все расчесть по годам,
Если в сорок все выжато,
Все ушло в никуда?

Что мечталось-лелеялось –
Поросло трын-травой.
Что со мною подеялось? –
Хоть в бочаг головой.

Вот уж впрямь заварушечка,
Насмешишь белый свет:
Насчитала кукушечка
Девяносто пять лет...

ПРИГОВОР

(Из стихов далекой юности)

Известна всем уральская зима
С ее метелями и злыми холодами.
Но неожиданно вдруг в декабре весна
Повеет оттепелью, влажными ветрами.

И нынешней зимой так мало холодов,
Так много дней, отобранных весной,
Что нежных чувств неслыханный покров
Владеет целый год моей душою.

Лишь ты, далекая, теплу наперекор,
Иль не дошло к тебе его дыханье? –
Выносишь мне суровый приговор:
Хранишь зимы холодное молчанье...

ВНУКИ

Лишь услышу плач ребенка,
Вздвoгну: Кто там? Что там? Где?
Сердце охнет болью звонкой:
Уж не внуки ли в беде?

Не мои ли ангелочки
Так заходятся в слезах?
Черно-белые грибочки,
Кто вселил в вас боль и страх?

Не могу сидеть на месте,
От окна к окну мечусь
И, не верующий вовсе,
Богу истово молюсь:

Отведи, Господь, напасти,
Сохрани их и спаси...
Утоплю в молитве страсти,
Как ведется на Руси.

В лоб приму все ваши боли,
Страхи все и все бои,
Чтобы слез не знали боле
Две кровиночки мои.

ГОЛОВАСТИКИ

Внуков (малые, шаловливые...)
В садик в санках везу. Пою:
– Передам вас в руки красивые,
В руки добрые, теплые, милые
Нежно сдам я радость мою...

А навстречу все мамы счастливые –
Под ногами хрустит снежок.
Знать, нашел я слова нефальшивые,
Слова нужные, справедливые –
С такой песней и жить хорошо!

Вот и садик.
Вперед, родимые!
Головастиков там сдаю,
Как сокровища неизмеримые,
Как звоночки мои любимые,
Часть души своей отдаю!

КТО ВИНОВАТ?

Ты спятил, Ис? Иль я под старость глуп –
Не отделию халатность от огня?
Вон два скелета: техникум и клуб –
С немым укором смотрят на меня.

Не уберег вас!.. Каюсь – проморгал.
Не отстоял, трясясь за свой сортир.
Ты видишь, Ис, беззубый тот оскал, –
О чем кричит он из оконных дыр?

О чём вопит нам крепость дымных стен,
Тошнотно морщась на чумной мираж
И на помойки вдоль дорог, в рефрен
С блевотиной, впрессованной в пейзаж?

Каким красавцем был ты прежде, Ис!
Лелеяли тебя и стар, и мал.
Из дальней дали мы к тебе рвались,
Чтоб ты уж из судьбы не выпадал.

Соборность ту давно в себе несу,
Плывя в ладье вопросов по волнам:
Кто виноват? Что дальше делать нам?
Кому живется классно на Ису?

А два скелета – памятник-бедлам?
Как мини-Хиросима? А зола –
Дань разгильдяйству, пьянству и ворам?
Иль монумент бесхозности и зла?

О люди, люди!.. Дайте же ответ –
Чем жить? Кому молиться? Как дышать?
Куда нам плыть?
Увы, ответа нет...
Все тишь да гладь, да Божья благодать.

ПОЗЕМКА

За окном метет поземка.
Я один. И счастье – долькой.
Воет ветер, как болонка.
Мне не холодно нисколько.

Мне уютно. Сердце сладко
Отдыхает в полудреме –
Все в боях да неполадках,
Вечно в стычках да на стреме.

Узумбарские фиалки
Фиолетово мигают.
На заборе нашем галки
Солнце блеклое встречают.

Все люблю!
Все принимаю.
И со стаей этой громкой
По заснеженному краю
Улетаю за поземкой.

ТАЙНА

То снегопады, то морозы,
То снеговёрт, то тишина,
Мне ж – умиление
И слезы,
Да тайна, прелести полна.

Она со мной играет в прятки,
Ищу к ней ключ который год.
...Кто ж мне плетёт одни загадки,
А вот разгадок не даёт?

ПЕЧКА

Зануда-печь не порет и не шьет...
Верчусь у топки чертом вечерами,
Кормлю, кормлю –
И все невпроворот! –
Сырыми, знать, невкусными дровами.

А сколько б можно написать стихов,
Прочесть романов,
Отдохнуть бы малость,
Но, видно, много накопил грехов,
Чтоб в жизни все отлично
Получалось...

РОДИНА ВО МГЛЕ

Молчит изба...
 Покойно за стеной...
 Кто ж мой
 Такой заботливый провизор?
 Но ткут
 Мои сношенья со страной
 «МК», «АиФ»
 И сумный телевизор.

Пусть на окне
 Надежный панцирь льда,
 Пусть ветры шкварят
 О всегдашне-верном,
 Но эти СМИ,
 Как пушкинский Балда,
 Меня колотят.
 Треплют.
 Быют по нервам!

И так –
 Во всех домах.
 Во всей земле.
 Во всех сердцах –
 тревоги и сомненья.
 Трясет Россию!
 Родина во мгле!
 В тумане бродим –
 На краю паденья...

ГУСИ

Опять томление и боль.
Опять сомнения и муки...
О хмурый вечер, ты доколь
Провытворяешь эти штуки?

Желаний нет...
Тоской одной,
Видать, надолго облекуся.
Смотрю в окно...
С пруда домой
Идут медлительные гуси.

О гуси, белые снега,
Хоть вы скажите мне
причину:
Откуда боль?
Прошу не лгать –
Как мне с души
согнать кручину?

А гуси,
Важностью дыша, –
О, право, мне они не лгали –
Так чинно, молча, не спеша,
С презреньем
мимо прошагали...

ГОРА ЛЫСАЯ

*Все течет, все изменяется.
(Закон диалектики).*

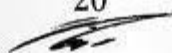
Встал рано. В голове – мура.
Пройдусь по исовским пределам...
С чего ты, Лысая гора,
Шиньон березовый надела?

Века голешенькой была...
Тебе же, сверстнице Памира,
Весь Ис молился: ты слыла
Как пуп Земли,
Как символ мира,

Как страж былинный на часах.
К тебе летал я вслед за Никой,
Ты нас купала в небесах
И угощала земляникой.

Любые полчища врагов
Могла разбить широким лбом ты.
Рукой касаясь облаков,
Мы раздвигали горизонты.

И там, вдали, за цепью гор,
Нам мнились реки изобилья,
Мы расправляли шире крылья,
Стремилась к счастью, за бугор,
Но... ничего не находили.

...Ах, Лысая, не стой.
Присядь.
В лесу ты, как в тумане, таешь.
Вот я – лысею в шестьдесят,
А ты, старея, – зарастаешь.

Свет, что ли, меркнет
от стыда?
Уж не ласкаешь больше взора:
Не вышло... не сбылось тогда... –
Сейчас льнешь к роце от позора.

В ЛЕСУ

Как дикий лось, по лесу шастаю,
Купаюсь в солнце золотом,
Чернику, крупную, глазастую,
Хватаю жадно жарким ртом.

И ни печали, ни заботинки,
И ни тревоги, ни беды –
Среди берез в глухой болотинке
Я им запутал все следы.

Но вдруг сороки раскричались,
И сердце вмиг оборвалось.
...Жить без тревоги и печали
Не может даже дикий лось.

НА ТОЛКУЧКЕ

Мертвые сраму не имут.
Пословица.

На толкучке сбываю вещи...
Что со мною? Духовный крах?
Было время еще похлеще,
Но такое... Увы и ах!

Вот знакомый проплыл прохожий
И мне колкость свою изрек.
Не поддамся! Я – толстокожий.
Спрячьте, нервы, взводной курок!

Был я раньше во всем примерным,
Вундеркиндивным пареньком,
И в труде, и в учебе первым,
С... продырявленным кошельком.

Вот я – нищий, к стене притертый,
Жалок, бледен, угрюм и сер.
...Ныне сраму не имут мертвый,
Плут и нищий СССР.

(Написано в 1990 г.)

ОЧИЩЕНИЕ

Положил две триста на сберкнижку,
И сегодня я – «миллионер»:
Ну откуда взяться бы излишку?
Просто случай выпал не в пример.

Весь в долгах по самую макушку:
В долг родился в поле на юру,
В долг учился,
Хлеба ел краюшку,
В долг женился, так же в долг умру.

Ах, сберкнижка, бросим фарисейство –
Я теперь могу спокойно жить.
От долгов избавил я семейство:
Есть на что меня похоронить.

И тут дело вовсе не в излишке,
А в убыток даже самому:
Все мое достоинство – в сберкнижке.
Не хочу быть должным никому!

ДУША ЗАПЕЛА

Ну, с чего ты, душа, запела? –
 Не раскусишь тебя, не поймешь.
 И до тела тебе нет дела:
 В мире голод, а ты поешь!..

Дескать, все вы с ума посходили
 В большевистском былом раю,
 Все помоями окатили...
 Мне вот весело – и пою.

Непутевая!
 Слушать стыдно.
 Ты на нервах моих не играй.
 Впрочем, нет, и в лихую годину
 Ты тихонечко петь продолжай.

Даже если дойду до предела
 И рванусь в свой последний бой,
 Ты, когда полетишь из тела,
 Ах, пожалуйста,
 Громче
 Пой!

СЧАСТЬЕ

Что из того, что гаснет камелек,
 Что развалился дровяной сарай,
 Что ох, как тощ мой бедный кошелек,
 Что не попасть мне в заповедный рай,

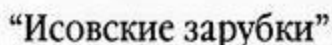
Что ниоткуда помощи не жди,
 Что бьют наотмашь злые словеса,
 Зато мне в грядки сеется роса
 И падают залетные дожди.

Зато с души нисходит тарарам,
 Когда ей солнце жалует лучи,
 Когда из леса громко по уграм
 Мне сладкой флейтой иволга кричит.

А под окном вдруг роза зацвела,
 Ромашки процарапали глаза,
 Из-под забора «речка» потекла –
 Забила незабудок бирюза.

И счастлив я на целых сто годов!
 И жаль мне всех, кто так душой убог,
 И радость я с любым делить готов:
 В моей душе хозяйничает Бог.

ЗЕМЛЯНИКА

Земляника в лесу поспела!
На березовом холодочке
Не сижу в выходной без дела –
Рву каленые уголечки.

Даже ночью – глаза закрою –
Уголечки горят – не тают.
Долго красным пчелиным роем
На меня из тьмы налетают.

Что-то вспыхнет в душе
и погаснет.
Вдруг замрут на лету огонечки.
Тут, как воздух,
Как жизнь,
Как счастье,
Появляются
Красные строчки.

ЖАР-ПТИЦА

Вдруг вскочить,
 как легкий ветерок,
 И в ночи, когда тебе не спится,
 Быстро ухватиться за перо,
 Будто мысль вот-вот
 взлетит жар-птицей.

Иль, идя с колодезной водой,
 Вмиг запнуться,
 членами немея,
 Будто сам себя водою той
 Окатил, дрожа и леденя.

Или в классе,
 где ведешь урок,
 Замереть на важном полуслове,
 Пусть детишкам вовсе невдомек,
 Что там в мыслях
 их учитель ловит,

Знай,
 Что это гостьей дорогой
 Прилетела мысль,
 как та жар-птица.
 Не считаясь ни с какой страдой,
 Так всегда поэзия стучится.

ЗВЕРОБОЙ

Лазаю ползком по косогору,
Предовольный жизнью и собой:
Раздеваю девственную флору –
Рву траву – целебный зверобой.

Ничего на свете нет полезней!
Кто ему судьбу предначертал? –
Человека лечит от болезней,
Зверя – «убивает» наповал.

* * *

Ничего не хочу.
Ничего мне не надо.
Хоть сейчас – к палачу,
Будет смерть мне награда.

И вокруг – ни шиша:
Все обман да шарада.
Ничему уж душа
В этом мире не рада.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Вот и осень пришла...
 Затуманились милые дали.
 Загорелись лесины
 Тревожной,
 предсмертной красой.
 И вчера мы с тобой
 Их всполох за рекой увидали –
 Видно, рыжая осень
 И к нам прибежала лисой.

Еще муха летает...
 Последняя глупая муха.
 Сонно тычется в стены,
 В глухие углы, в потолок –
 Ищет где прикорнуть
 И, наверное, слышит в пол-уха
 Комариную песнь
 В позднем теплом
 луче – под зевок.

Комары пляшут блюз... –
 В меланхолии – смертная
 пытка.
 Все снуют и толкутся,
 Им... некуда больше лететь:
 Оборвется вот-вот,
 Как тончайшая
 слабая нитка,
 Разудалая песнь, эта жизнь –
 И настигнет их смерть.

Скоро рамы вставлять:
 Не замедлят и «белые мухи».
 Продуха уж закрыты.
 В подполье полны закрома.
 Доживем до весны –
 Не умрем как-нибудь с голодухи,
 На миру да в ладу
 Не страшна никакая зима.

Все проходит – увы!
 Ну, а мы-то
 С тобой остаемся.
 Нам Всевышний пока
 Продлевает прижизненный срок.
 Нам друг друга – беречь.
 Мы еще и в турне соберемся –
 Босиком по росе,
 По муравушке... –
 В ближний лесок.

И потом, когда беда минует,
Когда в пух и прах ее —
 беду! —
Объясняться к вам приду
 не все,
С чистым сердцем,
 милые, приду.

ТРОПА

Занялась зима опять побелкой,
Отбелила все свои холсты
И легла у ног пушистой белкой,
Скрыв от нас дороги и мосты.

Замела, завьюжила тропинки
Вдоль Туры, что все вели к тебе,
И сердца пристыли, словно льдинки,
К промороженной насквозь избе.

Разгребу-ка тропочку к соседу —
Будет с миром крохотная связь.
А потом пойду от следа к следу,
Чтоб тропа к тебе уж не рвалась.

Выходите, люди, из калиток,
Выходи на свет,
Честной народ,
Будем все как монолитный слиток —
Никакой мороз
Нас не возьмет!

СКАЗКА-БЫЛЬ

Ха-ха-ха-ха, подумать только!
 На днях, телячью робость поборов,
 К главе администрации поселка
 Явилась делегация... коров:
 – Дай пастуха!..
 – Решись!..
 – Нам пастуха бы..
 – Нам снятся сны о сладостных лугах.
 – У вас на все препоны да ухабы –
 Пропал пастух в бумажных ворохах..
 – Сам посуди:
 Без пастуха тоскливо
 Слоняемся по улицам Иса,
 Тут под колеса угодить не диво –
 Вишь, отощали наши телеса..
 А дерзкая до наглости Буренка
 Ввалилась даже в светлый вестибюль
 Да – к зеркалу – ох, горе-коровенка! –
 И затрубила, как Полад Бюль-Бюль.
 Еще взреветь!..
 Поправить мини-челку..
 Проверить немудреный макияж..
 Ну где увидишь такую телку,
 Ах, судьбоносец ненаглядный наш?!
 А вслед за нею вперлись две товарки
 И, сделав по лепехе, ха-ха-ха! –
 Опять кричат, как от лихой припарки:
 – Ты наш глава –
 Представь нам пастуха!..
 Но вышел сам хозяин кабинета
 И вытолкал бунтовщиков за дверь –
 Уж не до соблюдения этикета.
 Консенсус провалился.
 Верь – не верь.
 А в стаде долго прели и галдели,
 Аж к вечеру охрипли голоса.
 ... Доколь коровам, как в индийском Дели,
 Пастись в докучных улицах Иса?

ЧУЧЕЛО

Сделал чучело
 в огороде
 И сейчас на него
 молюсь:
 Не трусливой породы
 вроде,
 Сам до смерти его
 боюсь.

И откуда такое, право?
 ...Все в округе давно уж
 спит.
 Вдруг задумаюсь,
 гляну вправо:
 Что за черт за спиной
 стоит?

А вороны – так те и рады,
 Что все реже хожу на двор.
 Для них чучело –
 знак награды.
 У них с чучелом уговор.

СВЕТА

Посвящаю работнику культуры первой категории из поселка Сигнальный Светлане Вячеславовне Кучумовой, великой и неумной подвижнице культуры на селе.

Автор.

Сеять разумное, доброе, вечное!..

Н. А. Некрасов.

Света.
Светлая.
Пресвятая...
От тебя – ореолом свет.
Как я чту,
В восхищенье тая,
Всю духовность
твоих побед!

Не врачуй ты
Людские души –
Я б в Сигнальном
не жил и дня.
Пред тобой
Немеют чинуши
И кишмя кишит ребятня.

Всем поселком
Идем на праздник –
В клубе вновь стал
Теснее зал.
Тут на сцене
Лихой проказник
У тебя
Вдруг Карузо стал.

Даже дедушки и старушки
В Новогодье

пустились в пляс.

Значит, все тут
Друзья, подружки.
Ай да Света –
Подвигла нас!

Увлекла всех, заворожила –
Только пой,
Веселись,
Пляши!
Всех приветила,
Всех впустила
Ты в оазис своей души.

Ты в Сигнальном
И впрямь святая.
Лучик света...
Прочь, нищета!
Достоевский
Был прав, считая,
Что спасает мир
Красота.

МИЛОСЕРДИЕ

Завалился на грязной дороге
Обессиленный старенький дед.
Хоть убей – не несут его ноги.
И подняться – ну, моченьки нет.

Подбегаю к нему суетливо.
Ставлю на ноги. Тихо горжусь:
Милосердие!.. Пячусь стыдливо
И опять к своей цели несусь.

Надо то одолеть, надо – это,
Тут – сорвал, там – схватить не успел.
Ожидает сомлевшего где-то
Миллион недоделанных дел.

Ненароком назад оглянулся –
Дед согбенно стоит у ракит –
И до боли, до слез ужаснулся:
Не моя ли то старость стоит?

У ПИВО-ВОДОЧНОГО ЛАРЬКА

Несимпатичные лица
Возле пивного ларька:
Вот – пьяная кобылица,
Вот – хищный оскал хорька.

Вот – с лисьим хвостом в затылке
Рыжая дева-краса.
Повадки, смешки, ухмылки –
Ну, чем тебе не лиса?

Вот – буйвол. А рядом – филин.
Вот – синий стоит бегемот,
Неряшлив, соплив, дебилен –
Законченный обормот.

БАБКА НЮРА

Распластались лентами тропинки
Через поле – в лес,
Через года...
Облака – расколотые льдинки –
Уплывают в вечность
Без следа...

Ухожу –
Уж такова натура,
Такова черники синей власть.
У калитки плачет бабка Нюра,
Вся чистосердечно извелась.

Ей бы за лукошко
Да на тропку,
Да под сень жемчужных облаков,
Как, бывало,
Ловко да торопко
Обходила крепких мужиков.

Ах, как непривычно оставаться,
Так обидно –
И не рассказать!
Где за молодыми ей угнаться?
Нет, уже лучше тут не рисковать.

Отказались ноженьки в угоре
Травушку-муравушку топтать,
Отглядели
Глазеньки на зори,
Рученькам уж ягод не сорвать.

... Засмотрелась бабка у щеколды,
Как тропинки
Нас уводят вдаль.
Облака, как прожитые годы,
Навевают
Тихую печаль.

МОРОЗЫ

Такие грянули морозы,
Что хоть из дома не вылазь.
Ищу на стылых окнах розы,
А там лишь путаная вязь.

А там лишь стужа да метели,
Да продолжение тайги.
И свиристели улетели –
Пойди-ка их в снегах найди...

Вовсю свирепствует простуда.
Померк за изморозью свет.
Всегда живу в предвестье чуда,
А чуда не было и нет...

ГРУСТНОЕ

Предвыходной...
Никто не беспокоит.
Спешить не надо. Можно долго спать.
Как будто с праздником в мои покои
Вошла сама немая благодать.

А на дворе так глухо.
Как на бойне...
Уж не услышу рядом снега хруст.
Звезда упала –
Где-то вновь покойник..
А мой почтовый ящик снова
пуст...

СТЕРЕОТИПЫ

Мнут стереотипы поневоле,
Разъедает душу штурмовщина.
... Как же мы отстанем –
хуже, что ли? –
Вон у друга клевая машина.

У соседки – серьги золотые...
А у этой пальцы – сплав металла...
Мы пишаем книги подписные,
Не читая, в «стенки» до отвала.

Мы не доедаем
И не чаем,
Что в тумане жизнь
проходит мимо.
Модно! – коль свое не отбренчали,
Чадо пусть бренчит на пианино.

Репродуктор?.. –
Ныне это мизер,
Ведь жилище – царские хоромы,
В каждой – некой «Сони» телевизор,
И компьютер, и магнитофоны.

К сорока
От язвы пьем отравы...
Стоило ль для этого родиться?
... Ах, смогу ль себя
считать я вправе
Благосостоянием гордиться?

СКРИЖАЛИ

А ведь жизнь-то уже прошла!
 Растрянжирил –
 и не собрать.

Кто мне скажет:
 Твои дела
 На скрижали пора писать?

Ничего-то не знал на «пять».
 Не творил.
 Не ваял.
 Не жил!
 Не умел ни отдать,
 ни взять,
 Ни вцепиться в мечту без сил.

А теперь вот –
 и «бог занемог».
 Право, хватка уже не та.
 И тоскливо смотрю в итог:
 На скрижалях-то...
 Пустота!

МАСКАРАД

Доберусь до леса-сказки
И под пологом осин
Рухну в счастье,
 где по-царски
Томно дремлет горький тмин.

И лежу без всяких мыслей,
Осиянный красотой.
Только гром на шею виснет,
Не справляясь с высотой.

На корзинках-медоносах
Полосатый маскарад:
Это с тигров злые осы
Сняли шкуры напрокат.

БАХВАЛ

– Я и этак, и так смакую, –
Похвалялся и вдруг осекся. –
Больше, братцы, не практикую:
Я ушел из большого секса.

А ЛЯ ТОЛСТОЙ...

Хожу на Ис за ключевой водой
И жадную кормлю дровами печку.
Тружусь совсем-совсем а ля Толстой
И в строчки собираю по словечку.

Но не Толстой я, – Боже! – не Толстой!
Иной удел, иные побужденья
Даны мне в этой
Жизни непростой –
Простейшие слагать стихотворенья.

Ни протезе, ни славы не моля,
Заснули рыбы в исовском затоне,
И тихо тает, тает жизнь моя,
Как нежный снег от духоты ладони.

ПОЭТЕССА

Надежде Селиной посвящаю.

Наденька Селина,
Вас я не знаю,
Но Ваши стихи
Я, как боль, принимаю.

Ткнешься в газету –
Плеснет со страницы
Вдруг соком березовым,
Ярью живицы

И чем-то весенним,
Чуть-чуть
 безрассудным,
Но честным и смелым,
По-девичьи трудным,

Порой отреченным,
Порой беспокойным,
То юным апрелем,
То... свежим лимоном.

Да, – и лимоном,
Ситро, лимонадом.
Вот это девчонка!
Стихи же – что надо!

Наденька Селина,
Вас я не встретил,
Но Ваша душа –
Словно кадр на просвете.

Она из стихов
Мне кричит,
Вся в заботе,
О жадности к жизни,
К любви и к работе,

Кричит о дороге
И о беспокойстве –
О сем замечательном
Селинском свойстве.

Парите же, Надя,
Чтоб люди сказали
В анналах Урала:
Вы тоже пахали.

Пусть дышит поэзия
Чистым озоном,
Пусть пахнет фамилия
Свежим лимоном!

Я ДОЖДУСЬ!

На Урале великий холод.
На термометре – пятьдесят...
А я снова душою молод,
Все ловлю твой прощальный взгляд.

Провожая тебя на поезд...
Ты скорее назад приезжай
В нашу снежно-ледовую повесть,
В замороженный горный край.

Видишь: в панцире снежном сосны,
Но и к ним снизошла любовь,
Но и к ним прилетают весны
И волнуют живицу – кровь.

Я дождусь!
Словно Герда к Каю,
Ты взойдешь на мое крыльцо.
...Долго-долго в окошке мелькает
Бесконечно родное лицо.

Я С ТОБОЙ, РОССИЯ

Опять страдалицу Россию
Кроят, пластают торгаши,
Сулят ей горы золотые
И раскупают за гроши.

Визжат, как свиньи у корыта.
Без чувств, без чести, без креста,
Терзают Родину открыто
И распинают, как Христа.

И от нее с блажной идеей
Вновь отрекаются спроста,
...Когда-то в древней Иудее
Так отрекались от Христа.

С тобой я, нищая Россия,
Твои хочу я песни петь,
С тобой страдать,
В твоей стихии,
Как на Голгофе,
Умереть.

СОЛОВЬИ

На Ису запели соловьи –
 Сыплют сладкозвучные рулады
 О весне, о счастье, о любви,
 И мои соседи дюже рады.

Удивляясь, я душою млею:
 Слыхано ль то?
 Было ль в кои веки?
 Может, впрямь
 наш климат потеплел
 От незримой божеской опеки?

Может, сей залетный соловей
 Из заблудших или бесконтрольных?
 Иль из тех, что громче и смелей
 Летунов каких-нибудь гастрольных?

Сколько силы в трелях у певца!
 Сколько страсти –
 радостно чертовски!
 Покорил и души, и сердца,
 Как наш Басков или Хворостовский.

На Руси водились знатоки
 Курских птах –
 за них платили тыщи,
 И певун, как в роце у реки,
 Так же громко распевал в жилище.

Но пришли иные времена –
Рок-н-ролл нахально шкварил уши.
Кто-то сеял злые семена,
И черствее стали наши души.

Отряхнусь от всех дневных боев.
Люди, тише!..
Наслаждайтесь одой –
Выходите слушать соловьев,
Посидим наедине с природой!

МОЙ ДЕНЬ

Сегодня у меня счастливейший из дней.
С утра принес из родника водицы –
Не «Гжелка», но вкусней и холодней,
Аж ломит зубы – не могу напиться.

Сажал на мох последние венцы
У новой бани – помогал приятель,
И на душе запели бубенцы:
Сегодня я строитель!.. Созидатель...

Косил траву. Переколол дрова,
А в промежутке прополол две грядки.
В уме слагались мудрые слова.
Мир изменился... Значит, все в порядке!

Полил, прорыхлил перцы, огурцы –
Кому? Зачем? – вопросы без ответов.
И не устал – как деды и отцы,
Как в вихре дел не уставал Рахметов.

Сейчас мотыжу джунгли лебеды –
Куда девались милость и участие?
Картошку вызволяю из беды
И преддоволен!
Это ли не счастье?

Из детства

Детство, опаленное войной	54
Военный хлеб	56
Перепелка	58
Жить!	60
Лихолетье	63
Страх	64
На хуторе	66
Сумбур душевный	68
Заболел...	69
Калинники играют	70
Юность	71
Коврик	71
Отроческое	72
Музыка	74

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

[illegible]

Где с прогалин первого
 сознания
Лик войны поднялся за спиной.
Ах, за что такое наказание –
Детство, опаленное войной?..

Вдовьих слез меня купали
реки.
Вопли причитаний рвали слух.
В страх бросали хмурые
калеки.
Похоронка жгла суставы рук...

Без отца –
И солнце-то с ладошку...
И я жил в тоскливом полусне,
Собирал промерзлую картошку
На прокисшем поле по весне.

Рыл коренья.
 Факелом багровым
 О моей беде кричал закат.
 Ссорился с Ванюшкой Казаковым:
 Был нам куст крапивы
 нарасхват...

Вновь и вновь к истокам
 и началам
 Силюсь головой седой
 прилечь,
 Чтобы чаще сердце мне
 стучало,
 Как родную землю уберчь.

Чтобы всех птенцов моих
 вихрастых
 Зорко охраняла тишина.
 Пусть им солнца ясного
 не застит
 Это слово страшное:
 ВОЙНА!

ВОЕННЫЙ ХЛЕБ

Когда злая грянула беда
И судьба нам ставила
 подножки,
Хлебом нам служила
 лебеда –
Из нее мы стряпали лепешки.

Так невкусен был
 зеленый хлеб! –
Рассыпался, застревая
 в горле.
Удивляюсь, как я рос и креп
На бесхлебье
 и вселенском горе.

А, бывало, сжалится судьба,
Корочкой ржаною вдруг
 подразнит –
Веселится детская гурьба,
Отмечая этот яркий праздник.

Позже благодарно, без труда
Под лазурью ласкового неба
Вспоминалась в сытые года
Корочка того ржаного хлеба.

Но о чем сейчас скорбит
 душа? –
Люди, чтоб сыта была скотина,
По-хозяйски, важно, не спеша
Булки волокут из магазина.

ПЕРЕПЕЛКА

Утомила нудная прополка –
Спать бы, спать сейчас
без задних ног,
Но кричит в пшенице
перепелка,
И заснуть я с вечера
не мог.

Распахни-ка, мама,
двери в сени
Да холщовый полог —
с плеч долой!
Дай послушать
ревностное пенье,
Этот посвист,
хлесткий, удалой.

Спит давно намаявшийся хутор.
Мама рядом дышит
 тяжело:
Ей опять сегодня
 было круто –
От работ суставушки
 свело.

День-деньской, как
 истовая пчелка,
 Так трудилась,
 надрывая плоть,
 Что во сне, как эта
 перепелка,
 Все зовет кого-то:
 – Подь полоть!..

Повинуясь
 родниковым звукам,
 Выйду снова завтра
 на поля.
 Вся, отдавшись
 предродовым мукам,
 Встрепенется
 милая земля.

Улыбнется сердце
 доброй мамы:
 Знать, не зря всю ночь,
 до зорьки в плоть,
 Перепелки слали
 телеграммы:
 – Подь полоть,
 родные!..
 Подь полоть!

ЖИТЬ!

Сколько музыки в нашей квартире!
 Сын на скрипке берет
 нужный тон.
 Дочка роется в нотах
 клавира,
 Телевизор, магнитофон
 Нам на праздниках сыплют рулады –
 Хоть танцуй,
 Хоть пляши,
 Хоть пой!
 Всех домов городские каскады
 Извергают аккорды и
 вой.

Ну, а мне вот в такие минуты
 Озарение
 Память сверлит.
 Вспоминаю наш хутор-закуток,
 Неприметный наш старенький
 быт.

Наши праздники,
 Песни-утехи,
 Шутки ряженных,
 Милый бедлам –
 Все там было у жизни-дурехи,
 Только...
 Музыки не было там.

Даже радио с нами
 не зналось...
 Гармонисты ушли на войну..
 И последняя радость – вот жалость! –
 Балалайка сжевала струну..
 Немота безысходной тоскою
 Норовила за горло
 схватить
 И решала с враждой бесовскою,
 Жить тебе на земле
 Иль не жить.

– Жить! –
 Кричала душа без заминки.
 – Жить! –
 Взывал наш народный хурал,
 И в разгар хуторской
 вечеринки
 Таз и ложку
 Мой дедушка брал.
 Старикам я всю жизнь благодарен...
 – Жить! –
 Наяривал дед по “врагу”:
 Медной ложкой по тазу
 ударив,
 Высекал он веселья искру.

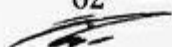

И глядишь –
 Немота отступила,
 Даже бабы пошли
 в перепляс!
 Вот какая великая сила
 В первородных тех звуках
 велась.

– Жить! –
 Гремело от крохотных сенец.
 – Жить! –
 Наверное, там, под Москвой,
 В снах тревожно ворочался немец,
 Устремившись в Берлин головой.

– Жить! –
 Я млел от любви беззаветной
 К этим звукам –
 Сиди да внеми!
 Так входили в меня незаметно
 Немудреные ритмы земли.
 ... Нынче
 Звонкое время настало
 И закрыло былого штрихи.
 Ах, как многого нам
 не хватало.

А вот жили,
 Врагу вопреки!

ЛИХОЛЕТЬЕ

Вот опять в мелодию настроя
Диссонансом вклинилось былое.
Эхо лет вернуло горы горя,
И душа иные «сказки» ловит.

Лихолетье... Голод-заваруха...
Мать штаны двадцатый раз латает.
А сестра, как древняя старуха,
Колоски на пашне собирает.

И отец с Мамаева кургана
Письма что-то редко присылает.
В них душа его – живая рана –
Все болит о нас, не заживает.

Не штампуй мне, иволга, вопросы:
«Что отец-от твой?», «Ты пообедал?»
Пообедал – я давно ведь взрослый,
А отец... погиб перед Победой.

СТРАХ

Родился я у древних синих гор,
Где еле теплилась моя заря,
Где каждый третий был бандит
иль вор,
Где застрелили русского царя,

Где семь десятилетий по холмам
Носились горе, бедствия и зло,
Где равнодушие с ложью пополам
В сердца и души наши заползло.

Я помню слезы матери моей,
Овраги трещин на ее руках.
Все умереть хотелось ей скорей:
В той злой неволе ею правил страх.

Ей нечем было сына накормить –
Налоги драл усатый великан.
А молоко... Да что там говорить –
Все забирал колхозный молокан.

Корова Милка – с мамой заодно,
Как будто избавления ждала:
Слизнула гвоздь и чахленькой весной
С отрадой Богу душу отдала.

А без отца все рушилось. В печи
От выпавших камней все больше ниш.
Я слышал грохот падавших в ночи
Гнилых стропил и обветшавших крыш.

Я признавал: виной всему – война,
Я ж ей – ничто, и страх – ее микроб.
И научила ждать меня она
То светопреставленье, то потоп.

...Сегодня хуже мне день ото дня.
Ты сыт ли?
Счастлив?
Весел, человек?
Пылинка я!
Что завтра ждет меня? –
Все в том же страхе
Коротаю век.

НА ХУТОРЕ

Пепелище... Травы забвения –
Лебеда да полынь.
Волком вою в уединении
У родимых святынь...

Здесь, на хуторе,
в схватках с голодом
Жил четырнадцать зим,
Не знаком ни с жульем, ни с городом,
Был наивно-неотразим.

А весною, в сопливой младости,
Все встречал журавлей
И летел к ним
на крыльях радости:
Вместе нам веселей!

По рассказам (не по преданиям)
Мудрецов-стариков
Знал историю мироздания
И минувших веков.

Перенял кругозор, мышление,
Их могучую статью.
А к учебе – любовь да рвение,
Мнил прославленным статью...

Все пропало. Прошло.
Прокатилось.
В никуда. В никогда.
Злое времечко приключилось –
Навсегда... Навсегда?!

Вот стою один
 в мрачном ступоре.
Прочь отсюда скорей!
Уж не встретит никто на хуторе
Дорогих журавлей...

СУМБУР ДУШЕВНЫЙ

Жизнь есть умирание.

Ф. Энгельс.

Все меньше пишется стихов,
Все больше старческих
 недугов.
Все тяжелее груз грехов,
Желаннее – вниманье
 друга.

А осень хлещется в саду...
А в небе —
 скомканные тучи...
Зачем живу?
Куда бреду
Сквозь этот вой и дождь
 летучий?

Ну почему в сырую грусть
Мне не сидится, не поется?
Как будто с кем-то
 расстаюсь,
Иль жизнь со мною
 рассветается?

ЗАБОЛЕЛ

Ну вот я снова заболел

стихами...

Пою себе на тысячи ладов.

До зорьки соревнуюсь с петухами —

Куда уж мне до звонких соловьев!

Нет слаще муки,

Чем рожденье слова.

Мне б только спеть

желанное успеть.

И коль изменит слух,

Настроюсь снова

Миг чуда ждать,

Чтоб словом заболеть.

КАЛИННИКИ ИГРАЮТ

Духота, томление в природе...
За рекой зарницы полыхают.
Испокон веков в моем народе
Говорят: калинники играют.

А поверье прямо в душу метит,
Всю ее туманом застилает.
Говорят, в ночи при дивном свете
Зреет рожь, калина поспевает.

Я с калинниками вел беседу.
Спать ночами не ложился с краю
И, ретиво прижимаясь к деду,
Все шептал: «Калинники играют...»

И сейчас, шестидесятилетний,
Если внуки в страхе замирают,
В осиянный этот вечер летний
Им шепчу:
– Калинники играют...

ЮНОСТЬ

Он был на редкость тихим пареньком.
Жалел всех кошек в нашем переулке.
Сажал цветы. Не бегал босиком.
И вместе с нами не сосал сосульки.

Водил к себе детишек со двора.
Боялся только сверстниц босоногих.
Но вдруг однажды юности пора
Пришла и встала в белом на пороге.

Он гостье рад – без меры, без конца.
Мать не успела и заметить вроде,
А уж мальчик от ее крыльца
В золотое мужество уходит.

КОВРИК

Так много за ночь снегу намело,
Как будто на крылечке кто-то выткал коврик.
Во мне светло,
Во мне белым-бело!
Совсем увяз в сугробе милый дворик.

С заплесканных колодезной водой
Сметаю коврик с досок леденистых,
А он звенит, как нежное монисто,
Упавшее с цыганки молодой...

ОТРОЧЕСКОЕ

Мое окно выходит на закат,
А там одни тревоги да печали,
Как говорится, черти подкачали,
И выпал мне на долю сущий ад.

Читаю в небе всю дневную боль,
Мирскую скорбь, вселенские невзгоды,
Все слезы мира, войны, недороды –
Все катаклизмы принимать изволь.

В богатстве красок – жизни колесо.
Тут сотни стилей под контролем Феба.
Вот Гойя... Рембрандт...
Гневный Пикассо
Свою «Гернику» накатал в полнеба.

И краски силу звуков обрели.
Они кричат, взрывая перепонки:
То Бах вдруг «бахнет» фугой до земли,
То мой Чайковский слух ласкает тонкий.

Третьейский суд мне вынес свой вердикт:
Дрожа взирая из-за оконной рамы,
Как кровью сердца некий неофит
Строчит свои трагедии и драмы.

Вон гений Пушкин, далее – Шекспир –
Взахлеб играют всполохами света,
А я гляжу на этот страстный пир,
И нет душе покоя и просвета.

Вот новый вечер...
Грозных туч шатер.
У горизонта – красная полоска.
Вхожу, как Жанна Д’Арк, на свой костер.
Зловещий вечер, пощади подростка.

МУЗЫКА

Утро красит синькою заборы,
Красит желтым снежный окоем.
Прыгай, луч, с оконного узора
Прямо в сердце –
Там сейчас прием.

Мне знаком ты с самого начала –
С детских лет.
В уральской стороне
Чистота твоя всегда звучала
Самой светлой музыкой во мне.

Я ловил тебя душой упрямой
В зачумленной выюгами избе,
Луч надежды звал с оконной рамы
Стать титаном в собственной судьбе.

И сегодня –
Лишь открою вежды –
Вновь решаю ребусы окна.
Вновь, как в детстве,
Музыкой надежды
До краев душа моя полна!

Осенний аккорд

Запахи	76
«Вдруг запахло у нас вечера...»	77
Здравствуй, жизнь	78
Жадность	80
Подснежники	81
Одинокий журавль	82
«Выпью сок калиновый...»	83
«И зимой увижу лето...»	84
В чертогах сатаны	85
Сфера радости	86
Памятка	88
Глаза	90
«Вот и осень пришла...»	90
Лоси	91
Лучезарный день	91
Осень	92
Грачи	93
Шальная музыка	94
Запах детства	96
Предзимник	97
Не одинок	98

ЗАПАХИ

Опрокинулся август пахучий
Над Уральской грядой опять.
Для коллекции –
лучшей из лучших –
Стану запахи собирать.

Пусть цветы-медоносы иссякли,
Я в луга убегу вечером.
Даже травы обильно пропахли
Там коровьим парным молоком.

И в лесу не скудеет планета:
Рыжик жаркой рукой разомну
И всю горечь сомлевшего лета
Я в себя с вождельем вдохну.

Пахнет хвоей, грибами –
зайди-ка! –
Пахнут ягоды.
Только их тронь –
Голубым водопадом черника
Побежит вдруг вприпрыжку в ладонь.

А багульник берет еще круче –
И пьянит, и дурманит впотьмах.
Оттого ль в этот август пахучий
Пребываю я в розовых снах?

* * *

Вдруг запахло у нас вечера
Горьким тополем,
 сладкой березой.
А ведь, кажется, только вчера
Все дышало зимой
И морозом.

Скоро, скоро в луга и боры
Вновь посыплются
 буйные росы,
Рухнут дни запашистой поры –
Медосбора и сенокоса.

И все лето опять хлебоборб
Будет отдых считать
 по минутам.

И вберут клевера и укроп
Запах пота и запах мазута.

И финальный –
осенний аккорд –
Прозвучит,
Нам сердца убажая:
Вдруг вдохнешь,
 лучезарен и горд,
Запах нового урожая.

С нежной иволгой здесь
 раскланяюсь,
Там
Представлюсь зазнобам-
 дроздам,
Сяду к ним на зеленый
 занавес,
Славу каждой пичужке
 воздам.

Буду сам свиристеть
 без просыпа:
 Здравствуй, жизнь!
 Ты вельми как добра!
 По урманам, полянам да
 просекам
 Буду жить –
 Ни кола ни двора.

И рябина за песни
 отменные
 Вдруг обнимет,
 потупивши взор,
 Кружки пива –
 Цветы белопенные –
 Сквозь еловый протянет
 забор.

А потом распрощаюсь
 С красавицей
 И услышу в сигналах
 судьбы,
 Как стихи
 На душе просыпаются,
 Словно в теплой дубраве
 грибы.

ЖАДНОСТЬ

Поздравляю с первым комаром,
С облаком черемухи душистой,
С красным солнцем,
 с миром и добром
И с любовью светозарно-
 чистой!

Надышаться вволю не могу,
Вволю насмотреться,
 намолчаться,
Набродиться в шелковом лугу,
А потом бы птицей
 ввысь умчаться...

Не могу!..
До жизни жаден я.
Пей, комарик, кровь тщедушным
телом.
Да пребудет вечной песнь твоя
В облаке черемухово-белом!

ПОДСНЕЖНИКИ

Подснежников белая замять
Накрыла поляны в лесу,
И люди кому-то на память
Домой это чудо несут.

И даже – в сторонку машины,
С весной панибратски на «ты», –
Мужчины – смешные мужчины! –
Тут рвут для любимых цветы.

Не вы ль, мужики, еще
в детстве
Чурались цветочных полян?
Видать, никуда вам не деться –
Влечет в белоснежный дурман!

Завьюжило вас, завихрило
Бураном живых лепестков.
И сердце отраднo заныло
От плена весенних оков.

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

Я видел в небе журавля
(Там раньше плавали орлы),
Бросал он в вешние поля
Свое печальное «курлы!»

О, как он жалобно стонал,
Кого-то ждал. Кого-то звал.
И, весь напрягшийся в струну,
Он плакал на мою страну.

И капли слез его прошли
Огнем до сердца моего.
Они всего меня прожгли
И стали точкой болевой.

А я гляжу в глухую синь,
Где раньше тешились орлы,
И, как журавль, всегда один,
– Курлы! – шепчу в ответ. –
Курлы!

«ВЫПЬЮ СОК КАЛИНОВЫЙ...»

Рву калину красную,
Словно зорьку ясную, –
Хлещет из корзины красота,
Чтобы в зиму страстную,
Зимушку ненастную,
Мне приснилась
Эта лепота.

Наберу калинушки –
Ягоды-горчинушки,
Наварим компотов, киселей,
Чтоб в снегах мне
Верилось:
Лето – не пригрезилось!
Чтоб зимой мне пелось
веселей!

Выпью сок калиновый –
Стану антисплиновый
И для всех доступный
и простой.
Вскинусь зорькой ясной,
На добро согласною,
Всех сразу
Душевной лепотой.

«И ЗИМОЙ УВИЖУ ЛЕТО...»

Не ломайся, заходи-ка
В этот дремлющий лесок,
Там ручьем течет черника
Через пальцы в туесок.

Задержите, сосны, тучку
Щеткой крон на небесах:
Буду с туесом под ручку
Допоздна бродить в лесах.

Соберу ручей – везенье
С поволокой серебра,
Не ленись, вари варенье –
Вон сколь этого добра!

Что легко дается в руки
И бесплатно –
Хошь не хошь,
Пусть усталость,
 боль и муки,
А поднимешь и возьмешь.

Принесу богатство это,
Лень – усталость одолев,
И зимой увижу лето
На обеденном столе.

Буду пить я чай с вареньем
И с отрадой вспоминать
Голубой ручей-везенье
И лесную
Благодать.

В ЧЕРТОГАХ САТАНЫ

Устану в травах росных,
Присяду на пенек.
Так трудно дышат сосны –
С чего бы? – весь денёк.

Заботливые осы
Хлопочут в травнике.
Задумчивые лоси
Пасутся в ивняке.

Холодная гадюка
Скользит у самых ног.
Ах, дятел, хватит тюкать,
Ты здесь не одинок.

Сороки что-то бают,
Но крик их так звучит,
Как будто обрубают
У дерева сучки.

Вот грустный ястреб кличет
Умершую любовь,
И древний ворон хнычет –
Аж леденеет кровь.

Здесь лишь пробьется пеший
Сквозь топь глухой страны...
...Завел же меня леший
В чертоги сатаны!

СФЕРА РАДОСТИ

*Есть только одна сфера радости –
сфера красоты.*

Афанасий Фет.

Сирень и яблони цветут...
Хочу восторг из сердца вылить.
Сумею ль эту красоту
Понять, прочувствовать –
Осилить?

Живу враздробь.
Живу вразброс –
Одни невзгоды да печали,
Как на черемуху – мороз,
На Эсмеральду –
Гибель Джали.

Зимой все грезилась сирень,
И вот,
Вельможно и красиво
Облокотившись на плетень, –
Как на ладони это диво.

Белее снега яблонь цвет –
Я весь
В заносах и сугробах...
И ничего милее нет –
Мне быть таким, видать,
До гроба.

Приснится вдруг Аджаристан,
То кто-то сильный,
Всемогущий,
То белояблоневый стан,
То... фиолетовые кущи.

ПАМЯТКА

Куковала нам
 кукушечка
 Про счастливые года,
 И купавки – к душе
 душечка –
 Нам лукавили тогда,

 Что будь порознь,
 будь мы вместе ли, –
 В жизни ждет нас
 только май.
 Незабудки
 заневестились,
 Пели мне:
 – Не забывай!..

 Разогнало скорым
 поездом
 Нас в туманные края,
 Подавилась спелым
 колосом
 Вдруг кукушечка моя.

Облетели вмиг
 купавушки,
Незабудки лишь
 цветут.
Для какой такой
 забавушки
Мелкий бисер там
 и тут?

А цветочки-
 голубиночки
До морозов всё горят
И мне памятку -
 слезиночку –
– Не запамятуй! –
 твердят.

ГЛАЗА

Какие встретились глаза
Сегодня утром!
В них были ночь и бирюза,
Блеск перламутра.

Как они пили окоём –
Святая тайна!
Ныряю в них, как в водоём:
– Эх, вира – майна!..

Глаза – Семирамиды сад,
Где мы расстались.
Когда я вынырнул назад,
Они... смеялись.

* * *

Вот и осень пришла...
Будет плакать о лете...
Вот и жизнь отцвела,
Чья-то – только в расцвете...

ЛОСИ

Спит на подушке луна.
Шепчется с лешим осень.
Дремлет в лесу тишина.
К дому подходят лоси.

Молча иду во двор.
Всюду – одни засони.
Лезу к сохатым в бор –
Ешьте мой хлеб с ладони!

В дом возвращусь –
Не до сна...
Хлюпает мокро осень.
В тучи всплыла луна.
Тяжко вздыхают лоси.

ЛУЧЕЗАРНЫЙ ДЕНЬ

Ну как передать такое –
Цвета в лучезарный день?
Деревья в немом покое...
Березка... Трухлявый пенёк...

И было ль такое диво
В допушкинских временах?
Стреляют краски игриво
Живым – в живого.
В меня!

ОСЕНЬ

Туча моет
Клёны и берёзы.
Плачут окна.
Плачет вся земля.
И бегут,
Бегут по стеклам
слёзы,
Словно тропки
В грустные поля.

Ветры душит
Бешеная радость:
Новых песен
Петь – не перепеть.
Сыплет осень
За решётку сада
В хрупких слитках
Золото и медь.

И, быть может,
В этой круговерти
Нет людей,
Счастливее меня.
Если скажут:
— Он заkis, —
Не верьте! —
Грусть боится
Скрытого огня.

ГРАЧИ

Ну чего, грачи, вы раскричались?
 Что вас беспокоит по утрам?
 От любви великой, от печали
 Этот несусветный тарарам?

Мне ведь тоже, милые, не сладко:
 Одолела горьких мыслей рать.
 Может, за компанию украдкой
 Также вместе с вами поорать?

Прокричусь благим вселенским
 криком –
 Станут все невзгоды по плечу,
 И тогда в борении великом
 Раны сердца мигом залечу.

Но – увы и ах! – не та заварка.
 В жизни мне – усвоил я давно –
 Ни горланить,
 ни орать,
 ни каркать –
 Ничего с рожденья не дано...

Если встарь вставали с петухами,
 Я ж – как брызнет свет через плетень –
 Просыпаюсь с первыми грачами
 И живу в тревогах целый день.

ШАЛЬНАЯ МУЗЫКА

Ты в воскресенье ходишь
по лесу.
Блаженно-отрешённый вид...
Не слышно
Птиц живого голоса:
Транзистор, как чумной,
гремит...

Орут транзисторы,
стараются
И там, и тут.
А в вышине
Пичужки тщетно
надрываются,
И ветер хрипнет на сосне.

Ручьи давно не «говорливые».
Не в моде
Дятлов перестук.
Забыв людьми
под влажной ивою
Комарика печальный звук.

Всё забрала волна высокая
С магнитофонных
рыжих лент...
Но я-то шёл не на Высоцкого,
А на лягушечий концерт!

Но я-то душу шёл порадовать
Вот в эти рощи и поля,
Услышать въявь,
а не по радио
Басок летящего шмеля.

Опомнитесь!
Ведь что-то прочит же
Блаженно-отрешённый вид...
Зачем, зачем
 в глухом уручище
Шальная музыка гремит?

Входите в рошу,
как в святилище,
Как в храм
Со сказками на треть,
Где всё – начало,
Всё – чистилище,
Где только слушать
да смотреть.

И если тянет
в путь неистово,
То пусть шепнёт вам
Мудрый бес:
Магнитофоны и транзисторы
С собою не берите
В лес!

ЗАПАХ ДЕТСТВА

Земляника к земле никнет...
Весь желанием горю –
Только глаз к траве привыкнет,
А уж там – по фонарю...

Рву пахучее, земное
Диво дивное опять.
Что за чудо?.. Что со мною?..
Как волнение унять?..

Туесок с земным наследством
Всё к лицу я подношу
И далёким милым детством
Всё дышу, дышу, дышу.

Стародавним хлынет пряность:
Роща, дом, забор, скамья...
Нет, до смерти не расстанусь,
Не расстанусь с детством я!

ПРЕДЗИМНИК

А в лесу творилась осень
Не с налету и не броско:
Отсырела неба просинь,
С сединой прошлась березка.

О, мгновенье отчужденья!
За измену
Желтым цветом
Шила осень заявленье
На развод с красавцем-летом.

Разминулись безответно –
Прочь все мольбы,
 аргументы! –
Платит, платит красно лето
Дорогие алименты:

Крик срывающихся листьев...
Стон разбитой паутины...
Пахнет ветер пастью лисьей...
Плачет выводок утиный...

Отчего же мне-то грустно?
Вон крыло в сухой осоке...
Ах, как сотканы искусно
Голубые перья сойки!

Может – это, может – это
Взволновало? Я же – схимник..
До свиданья, красно лето,
В золотой вхожу предзимник.

НЕ ОДИНОК

Открою настежь у веранды дверь,
Впущу к себе шум ливня,
 всхлипы капель
И запах листьев молодых берез,
Которые весной безумно пахнут.

Отрадно видеть первые ростки
Голодных трав,
 рванувшиеся к ливню,
И слышать, как весь шум перекрывает
Бездонный крик тоскующей кукушки.

И небо... –
Небо, трудное, как жизнь,
Где тоже есть конец и
 есть начало,
Где радостей и бед хоть отбавляй, –
Хватаю жадно истомленным
 сердцем,
Житейскими метелями измятым.

Во всем ловлю живые отголоски
И отпечатки прошлого, бывшего,
Довольный тем,
 что я не одинок:
Так много моего
В родной природе!

По городам и весям...

Родине	100	Лето	123
Матушка Сибирь	102	Речка Мелекеска	124
«За далью – даль...»	103	В парикмахерской	125
Все дороги...	104	На литсеминаре	125
Уплывают Челны	106	Море	126
Мои Челны	107	«Умываюсь...»	127
До свидания, Челны!	108	В кольцо судьбы	128
Бородатым	109	Две стихи	129
Камские зори	110	«Откуда рабское во мне?...»	130
Новому городу	112	С теплого юга	131
Артисты	114	Закружило, завертело...	132
Музыка стройки	115	В Иван-Еле	133
Маска	116	Тундре	134
Читая Уолта Уитмена	118	«Вечеру капли отпели...»	136
Ветер-озорник	119	«Не по моде лишь одеты ели...»	137
Май	120	Перед картиной Репина	138
Круиз по Каме	121	Время	139
Дама с собачкой	122	На Волге	140

РОДИНЕ

Не надо,
 Не надо ни денег, ни славы!
 А дайте мне воли
 И краешек поля,
 Опушечку бора,
 Тень шумной дубравы,
 Глубинный закуток,
 знакомый до боли,

И неба осколок,
 И тучи пушинку,
 Да стеклышко речки
 в душистом тумане,
 Да счастья плесните
 в пустую корзинку
 Под всхлип счетовода –
 Кукушечки ранней.

Вы дайте мне только
 глазок незабудки
 И стрекот в подтравье
 невидимых кузниц,
 И божьей коровки
 нарядные юбки,
 И нежные сари
 любимых капустниц.

О дайте мне дерзость
и беспокойство,
А с жаром душевным –
и снежную выюгу,
И крепость в работе –
отцовское свойство,
И ненависть к недругу,
Преданность другу.

И дайте мне,
дайте певучее слово,
Такое большое, такое родное,
Чтоб было красивым
и празднично новым,
Чтоб слово вмещало
все поле ржаное,

И целое небо,
и грозные тучи,
И полные реки
в таежных урманах.
И было б то слово
на счастье везучим
И точно гнездилось
в строфе без изъяна.

Пусть в песне раздольной
то слово поется –
О вечном,
Что Родиной милой зовется!

Какая мощь! Какая сила!
Я открываю новый мир.
Ты так меня в себя влюбила,
Седая матушка Сибирь!

О, мне приятен
 твой морозец
И дерзкий ветер-егоза.
Я, как Ермак-первопроходец,
Гляжу в тебя во все глаза.

Распадки, сопки да увалы...
Бальзам на душу – эта ширь!
Я, как и пращур мой удалый,
Мчусь завоевывать Сибирь.

И покорил!
И... покорился.
И стал духовно вдруг богат.
Как будто вдруг переродился:
Был нищий – стал аристократ.

... Художники! Не тратьте краски
На европейскую мазню,
А поезжайте к Красноярску –
Пишите-ка Сибирь мою!

* * *

За далью – даль... Одни просторы.
Какой размах! Свободы пир!
Где ж эти «каторжные норы»? –
Повсюду светлая Сибирь.

Бегут березовые колки,
Березки водят хоровод,
Как детства милые осколки,
Судьбы моей водоворот.

Такие ж точно и на Волге
В снегах стояли босиком
И, мне кивая, долго-долго
Толпой бежали за окном.

Мне захотелось в их пирушку,
Да ну их к черту – поезда:
Прилечь на эту вон опушку,
Осесть в Сибири навсегда.

И прорасти березой белой,
И шибко ветками махать,
Когда мальчишечка несмелый
Сибирь приедет обживать.

О, я ему слова простые
Найду, как сыну своему,
Став ярким символом России,
Судьбы и Родины – ему!

ВСЕ ДОРОГИ...

Мчусь на смену с родной окраины,
Взглядом пью сирень встречных глаз,
В самой гуще парней отчаянных
На «вахтовке» лечу на КамАЗ.

Перед нами – не сказки-вымыслы,
Но вопросы в дороге звучат:
«Неужели мы это вынесли,
На своих поднимали плечах?»

Повергая любое сомненьице,
Здесь реальность встает на дыбы
В строгом здании, в цехе-первенце,
В ритме мирного жерла трубы.

Вот он – зримый экзамен совести –
Наш завод. Богатырь. Исполин.
Ты в моей биографии-повести
Стал страницей номер один.

Строчка к строчке ложатся истины,
Убеждая меня всякий раз:
Нет, не зря, молодыми да чистыми,
Нас дороги вели на КамАЗ!

Словно ожили точки глобуса –
От морей, городов, площадей –
Поезда, самолеты, автобусы
Мчат на Каму крылатых людей.

Спорьте, скептики, зло, до нудности!
Я был счастлив пристать в Челнах,
В лоб встречая лихие трудности,
В авангарде шагать – не в тылах!

Быть причастными, сеять знания,
Быть вершителями судьбы,
Чтоб однажды стать цехом, зданием,
Гимном вылиться в жерле трубы,

Над кварталами автогорода
Водрузить свой победный стяг –
В этом – главное! Это – здорово!
Остальное же все – пустяк.

Мы великою дружбой спаяны,
И на прочность мы – чистый алмаз.
Нет, не зря с самой дальней окраины
Все дороги ведут на КамАЗ!

УПЛЫВАЮТ ЧЕЛНЫ...

Все плывут и плывут караваны изб.
В окнах шторы. Ухожены спальни.
Уплывают Челны без путевок и виз,
Лишь под вздохи котов на завалинках.

Уплывают Челны – Бережные Челны,
Что от старой купеческой гильдии,
Из-за камской волны
Лишь обломки видны
Этой прежней застойной идилии.

В небосклон
Уж вписались другие дома –
Плод народной мечты и содружества.
Это юность сама, это дерзость сама,
Монумент из бетона и мужества!

МОИ ЧЕЛНЫ

Вы – словно из пены речной
 Афродита,
 С немым восхищением
 Смотрите в Каму.
 Но созданы вы не природой
 сердитой,
 А всплесками духа,
 простыми руками.

Рождался мой город в трудах
 и заботах,
 Вставал,
 Рассекая косяк журавлиный.
 Рождались проспекты
 Из нервов и пота,
 И ноги свои выдирали
 из глины.

В асфальт пеленались,
 Пылали неоном,
 С газонов живым изумрудом
 вставали,
 Ложились под шины
 покорно и ровно,
 И грозы в их зеркале
 Твисты плясали.

Трамвай по проспекту
 проносится скорый...
 И звездам
 Мне хочется крикнуть
 до боли:
 - Смотрите! Смотрите!
 Родился мой город
 Из камня, бетона,
 Упорства и воли!

БОРОДАТЫМ

По-над Камою звезды мечутся.
У девчонок глаза горячи:
Что-то сладкое в свете месяца
Шепчут парни-бородачи.

Ах ты, модушка тароватая,
Что ты сделала из парней? –
Сплошь вся улица бородатая!
Мне, побритому, зябко в ней!

Будто племени все курчавого –
Каждый в моде большой мастак,
Носят бороды под Курчатова,
Под Фиделя и просто так.

Сколько важности в них, степенности!
Только мудрости нет и нет:
Не хватает житейской зрелости
«Старичкам» в восемнадцать лет.

А под робой играют бицепсы,
Жжет в груди молодой задор.
Туляки, барнаульцы, витебцы –
Все романтики на подбор.

Как вы трудитесь – любо-дорого!
Крепко строите города.
Красит сила вас, красит молодость,
Но... не красит вас борода!

КАМСКИЕ ЗОРИ

Я – в лугах.
В прикамском заозерье
Ночи летом благостно тихи.
На просторах здесь пасутся
зори.
Каждый всплеск их просится
в стихи.

А цветы-то —
Ну скажи на милость! —
Жарят в нос амброзией густой.
Даже соловьи утомонились —
Пьют волшебно-яростный настой.

У кустов с узорчатым ажуром
Разведу полуночный костёр.
Глаз луны с лохматым абажуром
Долго будет преданно-востёр.

Только утром камскими волнами,
Где шныряют рыбы колесом,
Вновь прибьет меня за Наб. Челнами,
Вновь разлучит с голубым овсом.

Ну, а там уже иные зори –
Трудовые. С солью.
С кучей дел.
Все мне здесь давно ласкает взоры,
К стройке я всем сердцем прикипел.

Я шагаю весело и споро.
Вижу новь разбуженной земли.
Вышли краны на работу в город,
Будто на кормежку журавли.

Выгнув шеи,
Исторгая крики,
Все клюют, клюют
Литой бетон.
В их кабинах – не святые лики.
Нынче в небе девичий сезон.

Прижились там ласточки-касатки.
Бог им лаз на небо уступил,
Как когда-то греки,
Сняв палатки,
Персам сдали ход у Фермопил.

Я машу рукой стальным махинам.
Дорогая женушка моя,
Не ревнуй к Мариям-Магдалинам,
Ведь совсем не верующий я!

Поднялись касатки ранней ранью.
Вновь для них урочный час настал.
Мать-Земля
Опять могучей дланью
Возвела девчат на пьедестал...

НОВОМУ ГОРОДУ

Ты вырос из детских пеленок,
Скрипишь —
Ничего парнишка!
И пусть еще мало силенок,
Но ходишь уже в штанишках.

Одежда — по моде и стилю...
Прости нас, юнец румяный,
Что в ЗАГС мы тебя не сносили,
И ты вот живешь безымянным.

Новый! — вещаем мы гордо
В стихах и в пылу заседаний,
Как будто бы новому городу
Можно и без названий.

И сами ж ломаем головы,
С какой написать тебя буквы:
С большой — так вроде б не здорово,
А с маленькой — стынут и руки.

Есть же в Москве Черемушки,
Есть Лужники и Химки.
Пусть будут у нас Подсолнушки,
Рябинушки иль Осинки.

Названий — словесные реки,
Поймай лишь на звук и краски
Такое — чтоб было навеки,
Чтоб с ним — будто в светлой сказке,

Где прочь убегала б усталость
От муки душевных парений,
Чтоб с легкой руки там писалось
Все больше стихотворений.

... Я, твой патриот и поклонник,
Забочусь о том неустанно,
Чтоб время великих хроник
Кипело не безымянно!

Страницей многотиражки
В твой мир распахну окошки,
А в сердце бегут Овражки,
Гремят Роднички и Сошки.

Тут Кама с лесистой челкой,
А там – заводская армада,
А в сердце стучат Проселки,
Шумят Ветерки автограда.

Будь Солнечным, Светлым, Ясным –
Я, в общем, без притязанья,
Но выплесни в форме прекрасной
Достойное содержанье!

АРТИСТЫ

Трещат софиты в рампе авансцены,
Качают груди воздух серебристый,
А вместо декораций – стены, стены...
И на подмостках – потные артисты...

Я – датский принц.
Ты – мавр, слепой ревнивец.
Вон царь Борис кричит в толпу
с амвона:
«Прочь отойди, упрямый лихоимец!..
Поддай еще раствору, Дездемона!»

Мой друг Горацио,
Ты южными ночами
Не раз спасал мне жизнь своей отвагой.
Пойди узнай, что стало с кирпичами? –
Опять нам козни шлет коварный Яго...

Офелия!
Голубушка-душа,
И ты взошла на выросшие стены?
Вот в чем вопрос:
Зачем сюда ты шла? –
Твой выход только завтра,
с первой смены,
Когда запишет старец Пимен рьяно:
«Еще этаж в чертогах автограда
Возник сегодня утром рано-рано,
Принц Гамлет строил со своей бригадой».

... Идём домой.
Ни принцев нет, ни мавров.
Устали все.
Уж все переодеты.
Плечом к плечу идут тропею лавров
В душе одни Ромео и Джульетты.

МУЗЫКА СТРОЙКИ

Засыпаю
Под музыку стройки.
Просыпаюсь –
То явь или сон?
Может, время
Сомкнуло сроки? –
Тот же
В утренней форточке
Звон.

Кран приветно
Стрелой кивает:
- Разбудил?
Уж прости за кураж..
И, как в жизни
С друзьями бывает,
Руку тянет мне
В пятый этаж.

- Ничего, –
Говорю я, вставая, –
Не мешает мне
Грохот работ.
... Хорошо засыпать,
Сознавая,
Что и ночью
Мой город
Растет!

МАСКА

Ах, какие цветистые глазки!
 Будто вдруг занесло меня
 в сад:
 Комья синей гуашевой краски
 На протезных ресницах висят.
 Киноваристо рот размалеван,
 И подглазия синькой
 взялись.
 Не лицо, а икона Рублева –
 Грохнись наземь
 И чуду молись.
 Оттого ли все глубже
 и дальше
 В мое тело впивается дрожь,
 Что боюсь этой приторной фальши,
 Презираю телесную ложь?
 Красота –
 Не сусальная сказка,
 Миражи я терпеть не могу!
 Ведь – увы! –
 Театральная маска
 Не прибавит извилин в мозгу.
 А гуашь хороша для
 картинок,
 Что в услуду мещан здоровяк
 Волочит торопливо на рынок
 И шутя продает за «трояк»...

Как неловко!..
 Молчу бестолково.
 Без прищуря смотреть
 и не рад
 В этот хищный,
 Пускай васильковый,
 В этот – с вызовом! –
 Стереовзгляд.
 Может, впрямь, –
 Помолиться уж, что ли?
 Будь, молитва, чиста да светла!
 Выдай, маска, хоть капельку
 Боли,
 И девичьей души,
 И тепла.
 Отомкнись! –
 Не скудеют каноны
 Красоты.
 Для меня, как истца,
 Пусть пульсирует жилкой
 Джоконды
 Чистокровная кожа лица!
 Встрепенись же улыбкою бриза,
 Пусть разверзнется жуткая мгла –
 Вон улыбкой своей мона Лиза
 Пять великих веков
 обожгла...
 Но такое лишь может
 Присниться –
 Знать, молитва моя так жалка:
 Равнодушно синеют ресницы,
 Два колючих
 Цветка-василька...

ЧИТАЯ УОЛТА УИТМЕНА

Ты сидишь
 возле книжной полки,
 Взяв Уолта Уитмена за бока,
 И о жизни вчерашние
 кривотолки
 В пух и прах
 Разбиваешь о старика.

А потом в общежитском луче
 абажура,
 Где лишь всхрапы
 Таких же парней холостых,
 С вдохновенно-уитменовским
 прищуром
 Ловишь рифм
 Ускользающие хвосты.

Ничего, что бунтуют порою
 размеры,
 Что и слов-то в запасниках
 Часто нет,
 А образы пляшут, будто химеры,
 Мы давно разгадали:
 в тебе – поэт!

Ничего, что Уитмен еще на Каме
 Очень трудно находит себе почет,
 Верим:
 Парень, всю смену державший камень,
 Всё осилит,
 раскусит.
 Свое возьмет!

ВЕТЕР-ОЗОРНИК

Здесь всё работает на стройку,
И даже ветер-озорник,
Приняв немислимую стойку,
Сметает мусор со стены.

Из поднебесной верхотуры
Метнется вдруг на тот этаж,
Где ходят девичьи фигуры
Величиною с карандаш.

Стихов любви нашепчет в уши,
Развеет локона кольцо,
Как друг, прохладою осушит
От пота мокрое лицо.

А сумасбродная девчонка
Над самой бездною стоит –
Подставит ветру руки-крылья,
Взовьется вверх
И... полетит.

МАЙ

Дымка зелени над логом,
Дальше – синяя вуаль...
Уведи меня, дорога,
В колдовскую эту даль.

Буду петь с бродягой-ветром
Под весенний перезвон,
Буду в воздухе прогретом
Счастья ждать со всех сторон.

Прoberусь широким плацем
В березняк через большак,
Где трусливым серым зайцем
Снег запрятался в овраг.

Только здесь пойму до точки,
От волнения сомлев,
Что в березовом платочке
Счастье ходит по земле.

КРУИЗ ПО КАМЕ

Прекрасен правый берег Камы!
Он неким таинством пропах.
Забывшись, все ищу глазами:
А где же Царская тропа?

Нам лик Тавриды, что нет краше,
Опять пригрезился с тобой.
И в схватке волн с кормою нашей
Я слышу яростный прибой.

И в самом деле, присмотрися:
Тот берег – Крымская гряда,
А пики елей – кипарисы,
Что колют небо без труда.

А среди сосен, в кущах кленов,
Где тишина, покой, уют,
Седые дачи вверх по склонам,
Как чайки белые, снуют.

Они манят меня. Я слышу:
Иди, ищи свою судьбу.
Мы, так и быть, по зову свыше
Укажем Царскую тропу.

И я пойду – пора настала! –
Сбегу в Закамье от жары
И растворюсь любовью алой
В лучах малиновой зари.

ДАМА С СОБАЧКОЙ

(Памяти А.П. Чехова)

Здесь, на этой набережной
 шумной,
Ходят дамы вяло, чуть враскачку.
Я ищу, как будто полоумный,
Все ищу глазами ту, с собачкой.

В камне след ловлю полуистертый,
Как в ночи исчезнувшее эхо,
Как далекий девятьсот четвертый –
Страшный год, как выстрел:
Смерть – и Чехов...

Белый шпиц, похожий
 на игрушку,
Вдруг меня облаял зло и нервно.
Вижу! Вижу...
 дряблую старушку...
Добрый вечер,
Анна свет Сергевна.

ЛЕТО

Выхожу в ромашковое лето...
Мне от счастья хочется рыдать,
И кричать, и прыгать пируэтом, –
Боже мой, какая благодать!

Все тут мило.
На лугу, извилист,
Оглашенно булькает ручей;
Бесконечно – «чьи вы?» –
Стонет чибис,
Весь в обстрелах солнечных лучей.

Начались в округе сенокосы.
Пахнет сеном.
Таволгой. Вьюнком.
Вон березка растрепала косы,
Чешет их сосновым гребешком.

От кого избыток эйфории? –
Не могу и не хочу понять.
Буду под эгидой аритмии
Созерцать. Вдыхать.
И обонять.

Где-то тяжело громяхают громы.
Всё огрузло.
Не было б беды...
... Завтра вновь, отринув аксиомы,
Воевать с войсками лебеды.

РЕЧКА МЕЛЕКЕСКА

Старых троп топтать я не устану.
И хмельной, как будто с кружки пива,
Я опять иду к тому бурьяну,
Где с тобой нас жалила крапива.

Говори мне сказки, Мелекеска,
Ты воркуй тихонько, как девчонка,
Берегов твоих не знает леска –
Ты совсем неизвестная речонка.

Обросла крапивой да дягилем,
Обвенчалась круто с диким хмелем
И течешь тихонько вольным стилем,
Ни глубин не ведая, ни мели.

Не в твоём характере сердиться,
Не тебе ворочать эти камни...
Отчего душа моя стремится
Убежать к тебе от гордой Камы?

Почему? Ну что в тебе такого?
Чем ты душу так приворожила?
Я сбегая с берега крутого
Вниз, где бьется слабенькая жила.

Вниз и вниз... Потом умалишённо
Простою до звезд над бочажками.
Помолчим, как два молодожена,
Жаль, что не обнять тебя руками.

А века в твоих морщинах тают.
Сколько их ты видела на свете!
Берега бурьяном зарастают,
Ты же все течешь...
Течешь в бессмертье!

В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Отношения стали сложными.
Медлят ножницы, теребя.
... Ухожу от Вас опорожненным.
Оставляю вам часть себя.

НА ЛИТСЕМИНАРЕ

Отхлестали. Боюсь – не встать.
Заплевали – и не отмыться.
Если б заново чистым стать...
Если б завтра переродиться...

МОРЕ

Вот оно –
 Распластанное море –
 Зло швыряет волны на маяк.
 Все кипит веками на просторе
 И не может выкипеть никак.

День и ночь –
 От скуки ли, от злости ль –
 Методично «бухает» в мостки,
 Промывает древней гальке кости,
 Напрокат штампуя «пятаки».

Мне бы, море,
 Дьявольскую хватку
 И твою способность трудно жить,
 Так же грозно резать правду-матку,
 Так буяннить, спорить и дерзить.

Утвердиться б,
 А потом по праву
 Сильных, вечных – каждому свое! –
 Залучить немеркнущую славу
 И обрести величие твое.

* * *

Умываюсь лучезарным морем,
Вытираюсь ветром озорным,
Бреюсь бритвой счастья в лукоморье,
Причешусь же гребешком волны.

Принакроюсь фиговым листочком,
И – море по колено! – прямо в соль.
Вот зажарюсь в солнце-сковородке
И подамся к Северу на стол.

В КОЛЬЦЕ СУДЬБЫ

Я околдован, окольцован
Кольцом тайги – венцом судьбы
И белым взглядом очарован
В снега заброшенной избы.

На небе, зная, пошли поносы:
Прорвало – скоро не уймешь.
Кольцуют снежные заносы
Земную правду, грех и ложь.

А я с лопатой – как на фронте,
Гребу до мути, до хворьбы,
Все разгребаю горизонты
Перекольцованной судьбы.

* * *

Откуда рабское во мне?
Откуда страх, хандра и вялость?
Коль сердце плавится в огне,
То вся душа истосковалась.

Смотрю в туманную вуаль
И вижу серенькое поле,
И сердце корчится от боли –
Мне страшно и чего-то жаль.

Жить ухитрялся впопыхах –
Не жизнь, а нечто от крошки,
Где все вчерне, все понарошке,
Не в этом ли вселенский страх?

И так по воле волн плыву,
Свой страх запрятавши в улыбку,
И вдвое страшно за ошибку,
Что вот... родился и живу.

С ТЕПЛОГО ЮГА

Я пел дифирамбы югу,
А север все рос и рос.
И тихо душевную выюгу
Навеивал стук колес.

И долго плакучие ивы
Зазывно кричали вслед:
- Куда ты,
 такой несчастливый?
Останься же с нами!..
- Нет!

Молчите!
Ни вздохом, ни взглядом
Не выдам тоски все равно.
... Уж осень бежала рядом,
Махала желтым в окно.

Как будто в тепле и не был..
Сумбурно..
Чего-то жаль..
Под северным хмурым небом
Встречала меня печаль.

О Родина! Вот я и дома..
Родных-дорогих повстречал –
Тут нега моя и истома.
Лишь тут мой очаг. И причал.

ЗАКРУЖИЛО, ЗАВЕРТЕЛО...

Закружило, завертело,
Север дышит тяжело...
Зябнут уши, зябнет тело,
А в душе моей тепло.

Что мне Ялта, прелесть юга?
Мне светло в краю родном.
Романтическая выюга
Кошкой нует под окном.

Споря с миртой-однолеткой,
Что сейчас в цветах горит,
Мне рябина стылой веткой
Понимающе стучит.

Ты мой крест, и ты мой орден,
Без тебя мне жизни нет,
Снежный Север, серый полдень,
Серебристо-белый свет!

В ИВАН-ЕЛЕ

За окном шушукаются ели,
В заросли таежные маня.
Трудовые будни Иван-Еля,
Вы навечно врезались в меня...

Видел я:
Иной, совсем нескладен
И на первый взгляд как будто груб,
Но, как воин, преуспевший за день,
Заходил в контору лесоруб.

От него так веяло апрелем,
Шутку с губ срывало и несло,
Что расстаться
с милым Иван-Елем
Будет мне, наверно, тяжело.

Он за стол садился, как хозяин.
 Стол качался, ничему не рад.
 Но приход из леса не случаен:
 - Есть две нормы!
 Закрывай наряд...

Трудовые будни Иван-Еля...
Не могу о вас не вспоминать.
Почему бы мне на самом деле
Не решиться
Лесорубом стать?

ТУНДРЕ

Откажу себе во многом,
Брошу все – плыви, ладья!
Выйду в тундре-недотроге:
Здравствуй, тундра,
Вот он – я!

Кто –
Кремень я или мямля?
Растолкуй же зрело ты,
По плечу мне,
По зубам ли
Зона вечной мерзлоты?

Забреду в тебя сторожко,
Где одних болот не счесть,
Где бруснику и морошку
Буду пригоршнями есть.

Ты не думай – я не жадный,
Просто знать тебя берусь
Не по книжности парадной,
А какая ты на вкус.

Буду слушать птичий шорох,
Мошек звон и ветра стук,
Рыбий всплеск в твоих озерах,
Чтоб познать тебя на слух.

Я хочу пройти на воле
Всю тебя, за пядью пядь,
Всю тебя по малой доле
Обонять и осязать.

А потом –
Ломай мне шкворень,
Вечно злая мерзлота,
Я вращу в тебя свой корень,
И – ни шагу за борта!

Ты корежь меня морозом,
Ветром, тундра, урагань,
Но, как лиственница, грозно
Я войду в земную грань.

Буду чутким и сердечным,
От невзгод тебя храня.
Верным,
Нужным,
Тоже вечным
Все ж признаешь ты меня!

* * *

Ввечеру капли отпели:
Ливень взнуздывает шаги.
Гнется радуга над Иван-Елем
Пестрой ручкой корзины-тайги.

Иван-ельцы то врозь, то парой
Вновь выходят на свой «Бродвей».
Гулко гукают тротуары,
Благо, воздух – бери да пей.

Звонкий смех вперехлест
с кукушкой...
Вон девчонка пустилась в пляс.
А за шторой берет на мушку
Ту плясунью старуший глаз.

Ой вы, бабки, уймьтесь, право,
Хватит критику наводить!
Пусть свое отцветет купава,
Радость выплеснет из груди.

Пусть вразрез представлениям
старых
Эта радуга свяжет всех,
Пусть не молкнут в ночи тротуары,
Не кончается звонкий смех!

* * *

Не по моде лишь одеты ели,
Но они с народом не в родстве.
Спросят:
- Что там носят, в Иван-Еле?
Я отвечу:
- То же, что в Москве.

Те же джинсы
Гладят тротуары,
Те же платья –
Длинные, до пят,
А в прическах –
Рыжие пожары,
Тот же росчерк стилия
У ребят.

И за эту мысль на поединок
С кем угодно выйти я готов:
Не осталось на Руси
 глубинок!
Больше нет
«Медвежьих» уголков!

ПЕРЕД КАРТИНОЙ РЕПИНА «Л.Н. ТОЛСТОЙ НА ПАШНЕ»

Бог в помощь, граф!
Идут лошадки цугом
За тобой,
 как смерды – за вождем.
Ты пером орудуешь, как плугом,
И буруешь плугом, как пером.

Ветерок – по бородатым скулам...
Острый взор...
 Ты сам под стать стиху.
Как былинный богатырь Микула,
Мощно налегаешь на соху.

Вечной думой
 омрачились брови,
Будто слово гневное изрек.
Ты вспахал, перетряхнул,
 взбуровил
Всю Россию вдоль и поперек.

Ты умел – и все кругом дивились! –
Так пахать с зари и до зари,
Что на троне
 в дикой дрожи бились
Русские бесславные цари.

ВРЕМЯ

О как оно неукротимо!
 Как тароваты мы
 порой:
 Торопим дни куда-то мимо
 Весной, и летом,
 и зимой.

Скорей! – минуточку
 подгоняем,
 Скорей! Скорей! –
 торопим час
 И в серых буднях
 забываем,
 Что жизнь-то нам
 дается раз.

Живем до встречи.
 До зарплаты.
 До выходных.
 До именин.
 До свадьбы.
 До приезда свата.
 А вся-то жизнь – лишь миг один.

И впопыхах бывает
 круто,
 Кого-то где-то губит
 прыть.
 ...Отныне стану жить
 минутой,
 Начну размереннее жить!

НА ВОЛГЕ

Я целый день у волжских круч
С хандрой воюю до надсады:
Взбиваю вверх до самых туч
Воды хрустальные каскады.

А, утомившись в пляске волн,
Бросаюсь в золото песчинок
И солнцу в сладостный полон
Сдаюсь без цели и причины.

В нагретых запахах ветров
Несет сюда со всей округи
То сладким медом с клеверов,
То молоком коровьим с луга.

А в горней мирной тишине
Друг с другом бабочки играют,
Как будто ангелы ко мне
Для связи с Господом слетают.

Спасибо, волжская волна,
За то, что лечишь неустанно.
Хандре объявлена война –
Я ощутил в себе титана!

Сердце, НЕ ОСТЫНЬ...

В рождество Христово	142
В тисках современности	144
В зеленой аптеке	146
Ритмы	148
Царственный снег	149
В плену суицида	150
В объятиях весны	151
Пофигизм бюрократа	152
Счастливая	155
Безумный век	156
Пустота	158
Обрыдло!	159
Мой Карлсон	161

В РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Не надо ни водки, ни хлеба,
 А дайте мне ласк и нег,
 Так благостно
 сыплется с неба
 Рождественский
 тихий снег...

И, Духом
 Божественным
 признан,
 Я стану в стихи рыдать
 От светлой печали
 по тризнам,
 Хватая душой
 благодать.

Стремясь никого
 не обидеть,
 Всю выплесну
 горечь слез,
 Авось, доведется
 увидеть,
 Как в ельник
 сойдет Христос.

И станет так сладко
 и вольно,
Так просто в тиши дышать,
И сердцу нисколько
 не больно
Задачи свои решать.

... Целуются сосны
 и ели,
Смущенно юлит
 мороз...
Как будто
 и в самом деле
На землю ступил
Христос.

В ТИСКАХ СОВРЕМЕННОСТИ

*Такие – в роковые
 времена –
Слагают стансы –
 и идут на плаху.
М. Цветаева.*

Теряю веру
В доброго царя.
В мечту. В улыбку.
В слово.
В справедливость.
Еще не скоро
 светлая заря
Мне будет в радость,
Добродетель —
 в милость.

Теряю веру...
 В сына. И в сестер.
 В соседа. В нищего
 на парাপете.
 За чьи дела я вновь
 и вновь в ответе?
 По чьей вине иду я на костер?

Вхожу
В зеленую аптеку –
Нельзя ли вновь
 здоровым стать,
Хоть час
К отпущенному веку
У скряги-вечности урвать?

И на лугу,
И в дебрях бора
Лечись себе – запрета нет!
А ты, врачующая флора,
Открой волшебный
свой секрет.

Дышать свободно и глубоко,
Тимьян ползучий, научи.
Душица
 с мятной подоплекой,
А ну, лечи меня,
Лечи!

Без перебоев чтоб и спадов
Воспринимался белый свет,
Лечи мой вдох,
 сосна-отрада,
Ты – выдох,
Желтый первоцвет.

Чтоб сердце с клятыми
врагами
Сегодня снова рвалось в бой,
Иду к адонису лугами,
В лес – к наперстянке
золотой.

Неравно кровью обольется
Оно в пораненной груди,
Ты, кровохлебка у болотца,
Поток багровый укроти.

И если вдруг ко мне
нагрянет
Хандра с зеленою тоской,
Я постучусь к валериане,
А то к синюхе голубой.

И, пятилопастный пустырник,
Ты жди меня
в мой черный час.
Я буду тягостным, настырным
И жалким,
может быть, для вас.

Но вы снесите без разбора
Мои причуды астм и грыж.
... Спасибо, доблестная флора,
Что ты секретов
Не таишь.

РИТМЫ

Живем в современных ритмах,
Как в Спенсеровом движении:
Хрипит за окном Высоцкий
И в полночь, и в три утра.
Сосед костерит соседку –
И звон посуды о стены,
И крик жаргонный и плоский,
И вопли – как из ведра.

Четыре ноль-ноль...
Машины
Из «дикого» автопарка,
Что под окном – с фасада,
Взрывают святую рань.
И лифт с летящей кабиной
Грохочет, как черт с припаркой,
А в ванной ревет водопадом
Халтурно сработанный кран.

Там охает мусоропровод
И дико, и звонко, и хрупко –
Не леший ли это старый
Спускается в тартарары?
А длинноволосые некто –
На каждой ноге по юбке –
Мусолят свои гитары
До утренней бишь звезды.

О бедное, бедное сердце,
Куда уж с твоим-то ритмом
В сумятице жизни бурной
Здоровым да бодрым быть,
Где каждый день – испытанье,
Где каждая ночь – это битва,
Где каждый час близок к штурму!
... Не сбиться бы,
Не остыть.

ЦАРСТВЕННЫЙ СНЕГ

Бог ты мой, какие «лопухи»
Падают опять сегодня с неба!
Рвутся к людям зимние стихи
В качестве предмета ширпотреба.

Так – спокойно, плавно, не спеша,
Чувствуя усталость или негу, –
И моя фланирует душа,
Подчиняясь царственному снегу.

Отдохнуть от суеты сует,
Оглянуться, к миру присмотреться
Все зовет меня на склоне лет
И не в меру загнанное сердце.

Ну, а я – весь в нервах и поту –
Ни стихов, ни праздников не чаю.
Бог ты мой!
Такую красоту
Я почти совсем не замечаю...

В ПЛЕНУ СУИЦИДА

Уходят из жизни...
 Лежат на панелях...
 И думать об этом боюсь даже сметь.
 Но Пушкин и Лермонтов мрут на дуэлях,
 Заранее чуя возможную смерть.

Уходят из жизни мужи и подростки,
 Поэты и бомжи...
 Как временный гость
 Подносит к виску револьвер Маяковский,
 Цветаева вяжет веревку на гвоздь.

Наполнив карманы большими камнями,
 Бросается в реку Вирджиния Вулф.
 А волны все множатся злыми кругами,
 Веревки все выются, круг петель замкнув.

А вспышек от выстрелов больше и больше –
 Уходят живые, от жизни сомлев,
 В Москве, Гонолулу, в Монако и Польше,
 Всей прелести жизни вкусить не сумев.

А прелесть ее не в богатстве и пьянстве
 И не в волокитстве невежды-купца,
 Она в золотистом осеннем убранстве
 И в самозабвенной канцоне скворца,

В жемчужинке-тучке, в глазастой ромашке,
 В кудрях белопенных черемух весной,
 В амброзии сена, в смазливой мордашке,
 Что в парке сегодня сидела со мной.

Мне жаль вас, ушедших до глупости лихо.
Пусть Бог вас простит.
И не мне вас судить.
Хочу насладиться я мудро и тихо
Всем сущим Творца,
Жажду жить и любить!

В ОБЪЯТИЯХ ВЕСНЫ

Так много тишины,
Так много счастья,
Пью жизнь взалхлеб в объятиях весны.
А в подсознание – признаки ненастья,
Какой-то неискупленной вины.

Ребенком задолжав перед отцами,
Как будто в самом деле виноват,
Что в ту весну не умирал с бойцами,
Что до сих пор я, в общем, не солдат.
Как вы горьки, весенние нектары:
Не всем дано без боли вас вдыхать.

Вновь на Земле военные пожары,
И гибнут люди в пламени опять.
И, видно,
Уж такое наше свойство –
Век помнить тех, кто умер на войне,
И вечно будет это беспокойство
Тревожить нас в весенней тишине.

ПОФИГИЗМ БЮРОКРАТА

*Мы всех зовем, чтоб в лоб, а не пятысь,
Критика дрянъ косила!*

В. Маяковский.

Вхожу, как в дебри,
 в ваши кабинеты.
Как в морозильник.
В ад!
Не пасть бы ниц...
Со всех сторон – глазища
 как лорнеты,
Холодный ток разит
От постных лиц.

Так вот где гнезда
свили бюрократы...
Навстречу – вой:
– Мы справок не даем!..
– Прием по вторникам!.. –
Мол, брысь, треклятый!
А в дверь – людской прибой
как ветролом.

Не сладко с вами
Мне тогда досталось...
Для чехарды
я, видно, не дорос.
Четыре месяца! – меня
водили за нос,
Четыре месяца! –
слюнявили вопрос.

Дожди бумаг,
Обильно морозящих,
Свалились мне на голову.. —
— и «мат»!

Запутать в казуистике
 просящих –
А по фиг все! –
И счастлив бюрократ.

А как-то раз
У одного нахала
Я полчаса перед столом
СТОЯЛ.

Моя персона
Горестно внимала,
Как, развалясь, он
в трубку хохотал.

Я от него несусь к другим.
Застать бы!..
Один, второй –
Пустует кабинет.
Тот – к тетке в гости,
Та – ушла на свадьбу,
Как в сказке: Гришка – дома,
Ваньки – нет.

За тридцать верст
Назавтра к Ваньке еду.
Но узнаю чинушу
в подлеце.

Единым махом
Проиграв победу,
А по фиг все! –
читаю на лице.

Что ж, пофигизм духовного
урода,
О власть имущие,
Лечите поскорей,
Ведь он не пуп земли –
СЛУГА народа!

Избавьте нас
От дутых волдырей!

СЧАСТЛИВАЯ

Вся осиянная счастьем,
Идешь ты по переулку.
Во взгляде, в дыхании, в шаге,
В улыбке твоей сквозит
Одно, бесконечно личное,
Твое голубое счастье,
Нежным весенним облачком
Стынувшее в руках,
Сохнувшее от жажды,
Хрупкое и ненадежное,
Требующее внимания,
Забот и твоей любви.

Вижу:
Ты очень стараешься —
Вся, как струна, в напряжении,
Решаешь в уме три задачи:
Не смять!
Не убить!
Донести!
Прохожие смотрят на облачко
Жадно и зачарованно
И вслед говорят:
— Счастливая!..
И жаль им чего-то вдруг,
Хоть каждый мог, право, каждый
Пройти на лесную проталинку
И первых глазастых подснежников
Нарвать и снести домой.

А я, сраженный видением,
Ревниво шепчу:
«Счастливый!..» —
О том, чье шальное сердце
Ты бережно носишь в своем.

БЕЗУМНЫЙ ВЕК

Бегу в леса от суеты мирской,
От скрежета зубов, от лязга стали,
От лжи властей, от взрывов на Тверской
И от смертей, что всем
в привычку стали.

К Агафье Лыковой, под Абакан,
Сбегу к зверям – к волкам, медведям,
рысям –
И в девственную эту глухомань,
Как страус, головой хочу зарыться.

Смешно, конечно!
Но уж век такой,
Что обхохочешься над той же Думой:
Народу б дать достаток и покой –
Куда уж ей – драчливой, малоумной!

Безумный век
талдычит под окном:
- Пойди напейся, надо отключиться...
Кино и СМИ
Хлопочут об одном:
Как в дикарей нам снова
превратиться.

О пьяная Россия! Так и есть:
Колеблется земля под ногами.
В загоне совесть,
Гордость наша,
Честь,
Мы снюхались с заморскими богами.

Каким еще молиться нам богам?
Кругом обман и произвол без меры!
В семье – содом,
И на душе – бедлам,
А в церковь не пойдешь
без чувства веры.

Все обмельчало.
Люди в тупике.
Их жизнь – ничто. Тут разговор
короткий.
... Тонули парни где-то
Вдалеке:
Сигнал о помощи пришел с подлодки.

И что?
А ничего... Нам бы поспать...
Мы трое суток пребывали в дрёме.
Когда соседи стали помогать,
Зашевелились русские Ерёмы.

Но в недрах субмарины – тишина.
Бездушный век
Закрыв ребятам очи.
А мы-то прикорнули... Вот те на...
Мы на песочке загораем в Сочи.

Проснитесь, люди!
Сердце, не остынь!
На ядерный реактор – не равняться!
Сигналы «Курска», Бухенвальд, Хатынь
Набатов вечным пусть
в сердца стучатся.

Такое вытворяет страшный век!
Опять в России слезы да сиротки,
Опять страдает, гибнет человек...
Мы все –
Заложники одной подлодки!

ОБРЫДЛО!

*Два на миру у меня врага:
Голод голодных – и сытость сытых.*

М. Цветаева.

Уведи меня, дорога,
В ту лесную глухомань,
Где береза-недотрога
Шепчет клену:
– Перестань!..

Где кукушка-завирушка
Потеряла счет годам,
Где у лешего пирушка –
Кличет нечисть
в свой бедлам.

Эх, забыться...
Оттянуться...
Сбросить с плеч
обузу дел
И ... в другой стране
Очнуться,
Ведь всему же
есть предел!

До чего же все обрыдло!
Вся-то радость – огород...
А народ – издревле быдло,
Крепостной еще народ.

Как и прежде,
Та же доля:
Шеи гнём и
 бреем лбы –
Не в новинку нам неволя,
Не в диковинку рабы.

Сталинизма прихватили,
Ныне новый гнёт несём.
Тут тебе не Пикадилли –
По спирали в ад ползем.

С голодухи мрем,
 как мухи.
Ходит боровом амбал.
А среди мирской разрухи
Кто сегодня правит бал? –

Тут заплачет и корова:
Паханы да кумовья,
Вечный Боря,
Скромный Вова
Да живучая «семья».

МОЙ КАРЛСОН

И мой Карлсон никогда не спит.
Он живет безвылазно на крыше,
В дни лихих утрат и злых обид
Все мои слова и мысли слышит.

Он ко мне спускается, как друг,
С помыслом добра и утешенья.
Наколдует, нашалит – и вдруг
Я в процессе самоочищенья!

Или через щели в потолке
Шепчет строчки –
 мук моих заказы,
И пишу стихи я в уголке,
Как Шукшин на кухоньке – рассказы.

Бедный Карлсон!
Как тебе порой
Холодно, тоскливо, одиноко...
Так спасибо, друг, за непокой,
За твое недреманное око.

Мне не жаль, что жизнь моя во мгле,
Словно росчерк молнии, промчалась,
Ведь на этой горестной земле
Мне с тобой, Карлуша,
Не скучалось.

Филипп Саночкин

ОСЕННИЙ АККОРД

Сборник стихов

Оформление Н. Симоновой

Верстка Ю. Тереховой

Подписано в печать 29.09.2004 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура Garamond.
Тираж 100 экз. Заказ № 159

Отпечатано в Издательском доме "Резонанс".
624220, Свердловская обл., г. Н. Тура,
ул. Свердлова, 135. Тел. (242) 2-46-84, 3-66-89.